

Военные и невоенные методы решения
геополитических проблем:
ограниченность цивилизационного подхода
(некоторые ремарки)

А.В. Бузгалин,
доктор экономических наук

Я уже как-то выступал на этом семинаре с попыткой предложить исторический подход к анализу обществ, которые мы пытаемся сравнивать или самоидентифицировать. В частности, если бы вопрос о ценностях демократии и прав человека поставили перед россиянами в 1988 г., то я гарантирую, что ответ был бы более продвинутым в сторону демократических ценностей и прав человека, чем у граждан многих западноевропейских стран. Итак, я еще раз хочу подчеркнуть важный тезис: стереотипы поведения, ценностей и мышления россиян, включая интеллектуальную элиту, изменяются очень быстро и активно под влиянием социально-экономических и общественно-политических условий.

На моей памяти, т. е. на протяжении 1975–2009 гг., подавляющее **большинство представителей т. н. творческой интеллигенции моей Родины принципиально изменяли свои ценности и установки, как минимум, четыре раза.**

До 1981–1983 гг. они были, в большинстве своем, последовательными и искренними марксистами-ленинцами. В 1987–1989 гг. — последовательными сторонниками европейской социал-демократии. В 1992–1995 гг. стали, в подавляющем большинстве, активными сторонниками североамериканской модели либерализма. Начиная с 1999 г., — чем дальше, тем больше — представители творческой интеллигенции

превращаются в сторонников государственно-державной модели.

Если мы посмотрим на более широкий круг граждан — скажем, на инженерно-техническую интеллигенцию, учителей, врачей и др., — то до 1982 г. они в большинстве своем интересовались новыми романами в «Иностранной литературе» или очередь за сапогами. С 1985 г. до 1990 г. они интересовались тем, что публиковалось про Сталина и Ленина в «Новом мире» и тем, какая мерзопакостная в СССР бюрократия. С 1992 г. они в основном интересовались тем, где достать деньги и как выжить... Дальше я поставил многоточие, чтобы не входить в политику. (Помните анекдот: «Я кушать хочу — отстаньте со своей политикой»).

Вторая часть моего короткого выступления касается главной темы семинара. Если под цивилизацией понимать некую устойчивую социально-историческую структуру, существующую на некотором пространстве, относительно ограниченном и более или менее стабильном (к примеру, в границах бывшей Российской империи), то в этом случае можно говорить о невоенных методах взаимодействия, переходя на очень важную проблематику сегодняшнего дня — геополитику. **Чем в большей степени мы наблюдаем приоритет геополитической проблематики как объективной проблематики социальных структур, тем в большей степени будут использоваться военные методы.**

Если применить историко-философский подход (а он здесь абсолютно необходим!), то мы можем зафиксировать, в частности, следующее. Для монархических позднефеодальных структур геополитические проблемы, т. е. проблемы принадлежности или непринадлежности им пространства, объективно находились на одном из первых мест. Они были объективно важнее, чем экономические, духовные и любые другие проблемы. Поэтому постоянные войны были нормальным явлением и — по критериям того времени — *благородным, нравственным, религией*

одобряемым способом решения проблем взаимодействия социальных структур.

Любая война любой страны освящалась церковью и всегда была связана с реализацией высших нравственных ценностей данного социума. Возьмите, к примеру, походы Суворова по Западной Европе, немало способствовавшие восстановлению позднефеодальных империй, — исключительно «благородная» (по критериям российской монархии) миссия во славу православных ценностей. Можно взять обратный пример, когда Наполеон шел на Россию для реализации соответствующих «ценностей»...

Выше я по сути дела сформулировал некую общую закономерность: **чем более объективно значимыми для социума (в силу специфики его социо-исторического типа) являются геополитические проблемы, тем важнее военные методы взаимодействия социумов.**

Невоенные методы решения проблем связаны с доминированием других типов объективно возникающих и становящихся доминирующими проблем и другими субъектами. Здесь работает **неустойчивая закономерность-тенденция**, которую бы я сформулировал так: **чем в большей степени субъектами взаимодействия социумов в пространстве становятся не государственные образования, а индивиды, субъекты культурного процесса, субъекты гражданского общества, тем в меньшей мере объективно оказываются востребованными военные методы решения проблем.**

И третий тезис. Капитал — особенно современный, транснациональный, в отличие от того, что принято думать, — не является субъектом, обеспечивающим невоенные методы решения пространственных проблем, поскольку транснациональный капитал, как правило, имеет национальное место прописки и сращивается с интересами определенных государств, как правило, исполняющих роль наднациональных игроков. Перспектива здесь в том, что ТНК будут еще более сращиваться с наднациональными государствами, вроде

США. В зависимости от типа развития и многих других параметров ТНК может использовать или не использовать военные методы решения проблем, так же как и государство. Следовательно, **чем больше будет контроль со стороны граждан и культурных процессов над геополитическими социопространственными процессами — в частности, над государственным капиталом, — тем меньше возможностей для военных методов.**